

Сумма художника

Максим Кантор в Берлине

ВЫСТАВКА современное искусство

В Берлине в Академии художеств проходит выставка Максима Кантора «Метрополис». Одновременно в старейшей берлинской художественной галерее, институте Нирендорф, — его же выставка живописи. На берлинском фестивале Максима Кантора побывал ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

«Метрополис» — это 69 больших графических листов, вывешенных в большом аскетичном зале Академии художеств, плюс три картины маслом на те же сюжеты, что и графика, так что графика, безусловно, главенствует. Каждый лист представляет собой многофигурную композицию, как правило, сложного философского содержания. Серия оммажей — «Оммаж цивилизации», «Оммаж истории», «Оммаж религии», «Оммаж мифологии». Серия структур — «Структура памяти», «Структура сознания». Серия театральных иносказаний — «Театр теней», «Зимняя сказка». Мифологические сцены — «Воспитание Ахилла», «Леда с лебедем», «Геката». Христианский цикл — Мадонна с младенцем и святыми, Распятие, Страшный суд. Плюс еще автопортреты, портреты родителей, аллегории.

Листы связаны общими персонажами. Человек с лицом в виде красного квадрата, символизирующий авангард, сначала появляется в листе «Три философа», потом в лис-



Один из листов «Метрополиса» «Homo Legens» — лицо современника, перекормленного информацией

те «Жертвы авангарда», потом — как один из всадников Апокалипсиса. Другой сквозной персонаж — бес в форме спецназовца с плейкой, скачущий по десятку листов, еще один — женский демон с тонким измученным лицом и гипнотически расширенными глаза-

ми — всего таких сквозных героев около десятка. Поэтому сначала «Метрополис» воспринимаешь как некое повествование об их жизни и хочешь это повествование прочитать. Но сказать, чтобы это получалось, — не скажешь. При том что отдельные листы ясны и выразительны почти до степени плаката, их последовательность и смысл как-то ускользают от однозначного прочтения — я не в силах понять, почему за «Оммажем религии», где в центре стоит благообразный до отвратительности пастор, а в клеймах вокруг него — страшные сцены страстей Христовых, следует «Зимняя сказка», где тот же персонаж, но уже в виде кентавра, с глуповатым удивлением будит женского беса. И главное, чем больше рассматриваешь эти листы, тем меньше уверенности, что, расшифровав каждый из них, ты поймешь, в чем смысл повествования под названием «Метрополис», что тут произошло и к какому сюжету нас вывело.

Ты проходишь эту выставку один раз, два, три, складывается общее впечатление, оно очень сильное, а сюжета нет. И даже зло берет, что нет текста, где бы все это было описано, к которому все эти листы вдруг стали бы иллюстрацией. Когда ловишь себя на этой мысли, вдруг понимаешь, что тебе показывают. Это вообще не выставка. Это

книга, и каждый лист, висящий на стене академии, — лист из нее. Ее не надо смотреть, ее надо листать.

Есть специфическая традиция средневековых книг, так называемых сумм — «Сумма богословия», «Сумма философии» — компендиумов, в которых обо всем и сразу. Максим Кантор нарисовал «сумму современности», и именно в таком смысле и следует понимать его повествование. Сумма эта может включать в себя любое знание, любые сведения, они, в сущности, ничем внутренне не организованы, но организованы внешне. А именно вставлены, как в стеллаж, в цикл событий евангельской истории и прошиты единым духом переживания трагедии распятия и ожидания Страшного суда. То есть, условно говоря, на одной странице тебе рассказывают притчу о трех философах, на следующей показывают три креста на Голгофе, дальше говорят о диковинных животных, коих древние философы селили в Африке, а потом напоминают о пожирающей пасти ада.

В таком повествовании нет единого сюжета, а есть множество. Некая фантастичность суммы Кантора заключается в том, что в нее включается и современность, и история, и мифология, и все сразу. Мы отвыкли так мыслить, наши знания и эмоции разнесены и не конфликтуют друг с другом. Где воспитание

Ахилла, а где сегодняшняя газета с сообщениями о котировках акций? Где ожидание Страшного суда, а где очередная авангардная выставка? Здесь же все это вдруг соединяется во вполне средневековую картину, когда все события проходят в сознании одновременно. Бывает формальная логика, когда нельзя, чтобы в огороде бузина, а в Киеве — дядька. А бывает логика суммы, когда распинают Христа, а в это время в брошенном огороде разрастается бузина, а в Киеве дядька пускает красного петуха, а тут еще три философа заспорили о смысле жизни, и над всем этим уже летят в небе всадники Апокалипсиса.

Это создает фантастическое впечатление. Лишенный разделений мир рушится, будто подхваченный вихрем сознания, и все концепты, структуры, парадигмы не в силах его удержать. Основным героем «Метрополиса» оказываются даже не сквозные персонажи, а толпа обнаженных человеческих тел, искорененных офортной иглой, сбившихся в какой-то орнамент унижения и страдания. Эта толпа переходит из офорта в офорт, и ничто не может ей помочь: ни идеи Просвещения, ни концепт прогресса, ни цивилизация, ни искусство, ни философия — она обречена на распад, и ее то и дело сметает с листа бес в камуфляже.

В какой-то момент становится довольно страшно. Непонятно, как помочь, и непонятно,

что нам дает тут христианский цикл, в который упакован весь этот хаос безнадежных идеалов, которые мы пережили за последние 20 лет, — увлечения мифологией, цивилизацией, прогрессом, авангардом и т. д. и т. п. Ведь Христа все равно распинают, и всадники все равно скачут — постоянно, прямо над головой. Где, собственно, та истина, на которую можно опереться, чтобы все это беженое движение к распаду вдруг приобрело оправдания? Их очень жалко, эти складывающиеся в какой-то иероглифический фарш тела, и никакого спасения тут нет.

Кроме разве что одного — как раз этой эмоции жалости. Каждый лист проникнут христианским чувством только в одном смысле: сострадания. Мне не кажется, что автор суммы верит в спасение, но, несомненно, он верит в то, что сострадать людям — правильно. Какими бы концептами они себя ни уничтожали. А вообще, неприятно, что сегодня является такой художник. С его надрывным, экстагическим гуманизмом. Если кого-то сажают, режут, взрывают — не все же время и не везде, и потом, так было всегда. И вроде все в порядке, всюду гладь да глобальная благодать, а в России в особенности. Видимо, это что-то берлинское. Нет бы изобразить что-нибудь абстрактное и приятное глазу! Зачем так надрываться?

Коллекция 2. - 2006. - 18 янв. - с. 14.